

XXXIV

Суббота. Площадь Труа-Борн

Всю ночь провели на ногах. На рассвете Курне, Тейс, Камелина[216] и я снова направились в центр.

Улица Ангулем еще держится. Там с отчаянием защищается 209-й батальон, в котором знаменосцем – Камелина.

Увидев, что он явился, бойцы устроили ему настоящую овацию. Меня они тоже любят, но с некоторым оттенком презрения. Во-первых, я из «правительства», а затем во всю свою жизнь я ничего не умел носить как следует; даже свой шарф я повязываю то слишком высоко, то слишком низко, а до момента опасности я и вовсе меланхолично таскал его под мышкой, завернув в газету, как омара.

– Эй вы, проклятый кривляка! Вам хорошо разыгрывать там у себя наверху Бодена и стоять скрестив руки, пока мы тут валяемся на земле и жуем грязь!

Действительно, они уже целый час лежат на животе в грязи, с испачканным лицом, в одежде, пропитанной слякотью, и, стреляя через бойницы, находящиеся на уровне земли, наносят жестокий урон неприятелю.

Член Коммуны стоит, прислонившись к выступу баррикады. Его лоб выдается над камнями, и пули окружают его все более и более суживающимся ореолом. Но люди дела недовольны: конечно, он подвергается опасности, но пусть-ка он тоже потрудится, поглотает песок, выпачкает себе морду, повалится на земле, как товарищи!

– Кривляка!

В конце концов мне это надоело. Раз они меня больше не слушают, я считаю себя свободным и сам выберу себе место действия.

Когда-то, будучи командиром 191-го батальона, я, чтобы заставить забыть о моей наружности сельского стражника и моей неспособности к военному делу, поклялся, что в решительный момент буду со своим батальоном или с тем, что от него останется.

Иду туда.

Немного осталось от этого батальона, но уцелевшие рады меня видеть.

– Так вы не бросите нас?

– Нет!

– Правильно, гражданин!

Воскресенье, 28 мая, 5 часов утра

Мы на гигантской баррикаде, внизу улицы Бельвилль, почти против залы Фавье. Мы тянули жребий с заменявшим меня офицером, кому первому пойти немного поспать.

Я вынул счастливый номер и вытягиваюсь на старой кровати в чьей-то брошенной квартире. Спал я плохо; черви, съедавшие тюфяк, скоро закопошились у меня на теле, – что-то уж очень они торопятся!

Иду сменить товарища.

До сих пор мне приходилось больше бороться с федератами, чем с версальцами. Сейчас, когда свободным осталось одно это предместье и не нужно судить ни предателей, ни подозрительных, дело стало гораздо легче. Теперь остается постоять за честь и встать у знамени, как офицеры у грот-мачты, когда корабль идет ко дну.

Я на посту...

На страшный огонь неприятеля мы отвечаем пальбой из ружей и пушек.

Окна в «Ла-Вейез»[217] и во всех домах на углу мы заткнули тюфяками; пробитые снарядами, они дымятся.

Время от времени чья-нибудь голова, перевешивается через балюстраду – совсем как Петрушка. – Готов!

У нас есть пушка; при ней находятся молчаливые, исполненные мужества артиллеристы. Одному из них не больше двадцати лет, у него золотистые, как спелая рожь, волосы и синие, как васильки, глаза. Он краснеет, как девушка, когда хвалят меткость его стрельбы.

Минутное затишье.

– Может быть, парламентар?

– Чтобы предложить нам сдаться?

– Сдаться? Пусть только сунется!

– Вы хотите захватить его в плен?

– За кого вы нас принимаете? Подобные гнусности могут делать только версальцы. Но мне все-таки доставит удовольствие бросить ему в лицо словечко Камбронна.

С улицы Ребеваль доносятся крики.

– Не зашли ли они с тылу, пока их посланник отвлекал наше внимание?.. Подите-ка посмотрите, Вентра!

– В чем дело?

– Да вот тут среди нас есть субъект, отказывающийся принять участие в нашей работе.

– Да, я отказываюсь... Я против войны!

И человек лет сорока, с апостольской бородой и степенным видом, подходит ко мне и говорит:

– Да, я за мир, против войны! Ни за них, ни за вас... И вам не удастся заставить меня драться.

Но подобные рассуждения не по вкусу федератам.

– Ты думаешь, мы не предпочли бы поступать так же, как ты? Воображаешь, что для забавы обмениваются здесь такими орехами? Ну-ка, бери это ружье и стреляй, не то тебе не поздоровится!

– Я за мир, против войны!

– Чертова скотина! Берешь, что ли, ружье?.. или хочешь понюхать пороху?

Но он питал отвращение к «табаку» и последовал за федератом, таща свое ружье, как костыль.

Парламентар уходит.

– Дерьмо! – орет командир, стоя на эстраде, сооруженной из булыжника мостовой.

Вдруг окна обнажаются, каменная плотина рушится.

Белокурый канонир громко вскрикивает. Пуля попала ему в лоб и пробила черный глаз между двумя его синими глазами.

– Все погибло! Спасайся кто может!

.....

.....

– Не спрячет ли кто-нибудь двух инсургентов? – вопрошали мы по дворам, обводя глазами этажи, как нищие, ожидающие, не свалится ли им сверху монета.

Но никто не подал нам милостыни, – милостыни, которой мы просили с оружием в руках.

В десяти шагах от нас – трехцветное знамя.

Новенькое, чистенькое и сверкающее, оно оскорбляет своими свежими тонами наше знамя, лохмотья которого висят еще то здесь, то там, грязные, порыжевшие, словно увядшие и растоптанные цветы мака.

Нас впустила одна женщина.

– Мой муж на соседнем перевязочном пункте. Если хотите, я сведу вас туда.

И она ведет нас под градом пуль, которые свистят со всех сторон, разбивая стекла фонарей, срезая ветки каштанов.

Мы пришли. Да и пора уж было!

К нам подходит хирург с повязкой Красного креста на руке.

– Не предоставите ли вы нам убежище, доктор?

– Нет, из-за вас перебьют моих больных.

Снова на улице.

Но муж этой женщины знает другой пункт для раненых, неподалеку.

Приходим туда.

– Примете нас?

– Да.

Так ответила нам твердо и несколько вызывающе маркитантка, прелестное создание лет двадцати пяти, в синей суконной форме, красиво облегающей ее стройную фигуру с пышным бюстом. Она не трусит, молодчина!

– У меня здесь пятнадцать раненых. Вы сойдете за доктора, ваш друг – за фельдшера.

И она повязывает нам больничные фартуки.

Надо подкрепиться... Она бьет яйца, жарит яичницу, угощает нас вином для выздоравливающих. За десертом мы забываем опасность... Мы согрелись, глаза блестят.

Но из палаты, где лежат ампутированные, доносится надрывающий душу стон.

– Ох! Поговорите со мной перед смертью!

Мы встаем из-за стола, но... уже поздно.

Подле этого еще теплого трупа, в погруженной во мрак комнате, – окна заложены тюфяками, – нами снова овладевают печальные мысли. Мы стоим молча и стараемся разглядеть сквозь щель, что делается на тротуаре.

Вот бредет с видом шакала какой-то моряк. За ним еще моряк, потом пехотинец; целая рота с безусым лейтенантом.

– Пусть все спустятся к нам!

Я выхожу первый.

– Где заведующий пунктом?

– Это я.

– Ваше имя?

Меня научили, что говорить, и я повторяю.

– Для чего этот экипаж?

Маркитантка велела заложить его, чтобы мы могли вскочить в него и удрать, как только представится возможность.

Но я отвечаю, не моргнув глазом:

– Вы исполняете ваши обязанности, я собираюсь приступить к своим – подбирать и перевязывать раненых.

Он нахмурил брови и уставился на меня.

– Прикажете распрягать?..

Он еще раз взглянул на меня и сделал своим хлыстом жест, означавший, что дорога свободна.

– Ну что, Ларошетт, вы едете?

– Нет, вам не удастся сделать и двадцати метров. Вы идете на верную смерть.

Я не только иду, я даже бегу мелкой рысью, потому что погоняю свою лошадь.

Раз десять меня чуть было не задержали, и в конце концов это уж наверно случилось бы, если б один линейный офицер не спас меня, сам того не подозревая. Он бросился наперерез лошади.

– Только не в эту сторону! Этот сброд все еще стреляет сверху.

– Тогда мое место именно здесь; мой ланцет может на что-нибудь пригодиться!

И я спрыгнул с тележки.

– Для штатского вы довольно смелы, – сказал, смеясь, вояка.

– Капитан, я умираю от жажды. Нельзя ли раздобыть стаканчик шампанского в этом краю дикарей?

– Может быть, в этом кафе!..

Мы залпом осушили бутылку, и я снова взбираюсь на подножку.

– До приятного свидания, доктор!

Это напутствие успокоило несколько подозрительных типов, шнырявших вокруг моего экипажа и заставивших меня решиться на эту комедию с выпивкой.

– Кучер, погоняй!

Мой возница, по-видимому, не знает, кого везет, и, кажется, подхлестывает только для того, чтобы получить на чай.

Нужно, однако, спешить.

– Лазаретная повозка!

По дороге я встречаю своих «коллег». В фиолетовых воротничках, с золотыми нашивками, они прогуливаются среди солдат, приготовляющих ужин или моющих пушечные лафеты.

Некоторые смотрят мне вслед, но кто узнает Жака Вентра? Борода моя сбрита, я в синих очках.

Я только что заметил в зеркале у витрины магазина бритое лицо с выдающимися скулами, бледное, как лицо священника. Спутанные волосы откинута назад; физиономия неумолимого человека; вид сурового партизана. Они, наверно, принимают меня за фанатика, разыскивающего раненых не столько для того, чтобы им помочь, сколько затем, чтобы их прикончить.

– Раненые? – сказал мне один адъютант. – У нас их нет: врага мы добиваем, а у наших есть свои полковые хирурги, и они отправляют их на специальные пункты. Но если вы хотите подобрать эту падаль, вы окажете нам большую услугу; вот уже два дня, как она отравляет нам воздух.

К счастью, он замолчал... У меня потемнело в глазах.

– Один! Два!

Мы взваливаем «падаль» на тележку.

Солдаты сами тянут за повод нашу клячу и подталкивают колеса, лишь бы мы поскорее увезли эти трупы, заражающие воздух.

На одном из этих трупов, поднятом за кучей досок на дровяном складе, мухи кишели, как надохлой собаке.

Их у нас семь. Тележка больше не вмещает; мой фартук – сплошная лепешка запекшейся крови. Даже сами солдаты отворачиваются, и мы свободно мчимся по этой стезе ужаса.

– Куда направляетесь? – спрашивает последний часовой.

– В госпиталь Сент-Антуан!

Здесь полно санитаров.

Я направляюсь прямо к ним и указываю на свой груз человеческого мяса.

– Сложите тела в этом зале!

Зал завален трупами. Дорогу мне преграждает чья-то рука; смерть захватила ее в жесте героического вызова, и она так и застыла, вытянутая, угрожающая, со сжатым кулаком, который, наверно, должен был опуститься на физиономию офицера, командующего расстрелом.

Они обыскивают свои жертвы. У одной из них находят классную тетрадь. Это – девочка лет десяти; ее закололи ударом штыка в затылок, а розовая ленточка с медным медальоном – так и осталась на шее.

У другой обнаружили табакерку из бересты, дешевые очки и бумагу, удостоверяющую, что она – сиделка и что ей сорок лет.

Немного поодаль лежит старик; его обнаженный торс выдается над грудой мертвых тел. Вся кровь вытекла, и лицо его так бледно, что выбеленная стена, у которой его положили, кажется рядом с ним серой. Его можно принять за мраморный бюст, за обломок статуи на гемонии[218].

Того, кто составлял списки убитых, неожиданно позвали опознать одного сомнительного. Он просит меня заменить его на минутку.

– Садитесь вот здесь, на углу стола.

Это дает мне возможность спрятать свой взгляд. Но иногда приходится отвечать на какой-нибудь вопрос и выдавать свой голос.

Составитель списка возвращается и усаживается на свое место.

– Вы свободны, благодарю вас.

Свободен! Нет, не совсем еще, но теперь уже скоро... или я погиб...

– Уходите, уходите же скорее, – шепчет в ужасе мой проводник. – Заинтересовались, кто вы такой.

К моему счастью, где-то поблизости убивают; они не хотят упустить такого зрелища, и все бегут туда.

Давка помогает нам незаметно выбраться.

– Стой! Кто вы?

Я извлекаю свою «погребальную» расписку.

– Проезжайте! Нет... постойте!

– Что там еще?

– Не отвезете ли вы на перевязочный пункт раненого солдата?

Еще бы нет!

Нам повезло! Мы спасены теперь. Я поддерживаю нашего солдатика и готов обнять его.

Он просит перевязать его... Ах, черт возьми!

– Нет, нет, не надо повязок, голубчик. Они не помогают!

Он настаивает. Ну что ж, перевяжу его... но только как бы он от этого не отправился на тот свет.

В конце концов мы его отговорили. Но чего ему еще надо?

– Доктор, доктор! Вон там наш полковник и мой командир. Я хотел бы проститься с ним.

– Волнения вредны вам, голубчик! Они могут вызвать лихорадку...

Теперь все идет как по маслу.

Каждый раз, когда нужно обогнуть место, где полно солдат, яставляю в роли ангела-хранителя нашего пехотинца. Он совсем плох... Хоть бы дотянул до лазарета!

Беда! Лошадь потеряла подкову и захромала.

Она не хочет идти дальше, ее слишком загнали.

– Вот видите, – говорит возница, – надо было дать ей напиться крови!

Ну, на этот раз я пропал!

Вон там стоит человек; он впился в меня взглядом, и я чувствую, что он узнал меня. Разве это не он в редакции «Деба» нахмурил брови, читая письмо Мишле в защиту наших друзей из Ла-Виллет? Разве не он хотел, чтобы прикончили осужденных?.. Сейчас стоит ему только подать знак, и его палачи искромсают меня.

Но и на этот раз все обошлось благополучно.

Решил ли он, что ошибся, ужаснулся ли перед доносом... но он повернулся и пошел прочь.

– Это господин Дюкан, – говорит один офицер, указывая на него, и, в свою очередь, останавливается передо мной.

Мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

Но вдруг брезент нашей повозки раздвигается, умирающий высовывает бескровное лицо и, протягивая неуверенным жестом руку, шепчет:

– Позвольте, прежде чем умереть, пожать вам руку, господин офицер.

С этими словами, глубоко вздохнув, он падает навзничь, стукнувшись головой о дно повозки.

– Бедняга!.. Спасибо вам, доктор!

Скорей, скорей! Ах, уж эта кляча! Н-но!..

Нужно сдать наш труп. Мы въезжаем в ворота лазарета.

Директор во дворе... Он сразу же узнает меня.

Я подхожу к нему.

– Вы намерены выдать меня?

– Я вам отвечу через пять минут.

Они показались мне почти короткими, эти пять минут. Я едва успел оправить рубашку, распрямить воротник, пригладить волосы пятерней. Подумайте, сколько дел: привести в порядок туалет, составить прощальное слово, принять подобающий вид.

Появляется директор.

– Откройте ворота, – кричит он привратнику.

И он отвернулся, боясь не выдержать и не желая, чтобы я поблагодарил его хотя бы жестом.

Хромоногая лошаденка снова трогается в путь.

– Куда ехать?

– На улицу Монпарнас.

К секретарю Сент-Бёва! Он спрячет меня, если только мне удастся добраться до него.

Мы проезжаем на нашей загнанной кляче по переулкам, где я прожил двадцать лет, где я проходил во вторник с батальоном Отца Дюшена, где я безотлучно находился в течение трех первых дней недели.

Но вот храбрости возницы пришел конец.

– Я не собираюсь рисковать своей шкурой... хватит с меня... Слезайте... и прощайте!

Он изо всей силы стегнул лошадь кнутом и скрылся.

Где бы найти приют?

Постойте! В десяти шагах отсюда, в переулке дю-Коммерс, есть гостиница, где я когда-то жил. Дорога к ней идет по пустынной улице Эпрон и по переулку,

Уже пять дней как квартал взят; красные штаны попадают редко.

Поднимаюсь по лестнице. В квартире невообразимый шум и крик.

– Да, я капитан Летеррье, говорю вам, что ваш Вентра издох, как последний трус! Он ползал по земле, плакал, просил пощады... Я сам видел!

Тихонько стучу, мне открывает хозяйка.

– Это я, тише! Если вы меня прогоните, я погиб...

– Входите, господин Вентра.

.....

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:54:00

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:55:50